

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ВСЕ,
ЧТО ВЫ ХОТЕЛИ ЗНАТЬ
О СМЕРТИ

Екатерина Николаевна Островская
Все, что вы хотели
знать о смерти
Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69646051

Екатерина Островская. Все, что вы хотели знать о смерти: Эксмо;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-192042-5

Аннотация

Авторская программа Павла Ипатьева вернулась на экраны после длительного отсутствия и бьет рекорды популярности. Но у славы есть и обратная сторона: кто-то из героев передачи страшно отомстил Ипатьеву, убив его родных. Павел обращается к телезрителям и с их помощью выходит на след преступников, но слишком поздно: эти злодеи тоже становятся жертвами хладнокровного убийцы. А когда внезапно погибает бывший тесть Павла, миллиардер Звягинцев, становится понятно, что все происходящее – дело рук кого-то из ближайшего окружения. Павлу предстоит вычислить, кто его враг, скрывающийся под личиной друга...

Татьяна Устинова рекомендует: «Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она

обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву».

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	29
Глава четвертая	36
Глава пятая	46
Глава шестая	57
Глава седьмая	66
Глава восьмая	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Екатерина Островская

Все, что вы хотели знать о смерти

Издание осуществлено при содействии «Литературного агентства Ольги Рубис»

© Островская Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Островская играет жизнями, тасует героев, заставляет их совершать неожиданные и странные поступки, а читателя с замиранием сердца следить за ними и гадать: сработает – не сработает, выберутся – не

выберутся!.. Сюжет то и дело поворачивает в какую-то другую сторону и на полной скорости несется дальше. Это почти невозможно, но ей удается удержаться на этих виражах!.. И очень хочется, чтобы у героев все получилось!.. И финал! Он всегда феерический во всех отношениях.

Татьяна Устинова

* * *

Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться. У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические *истории*, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

Но Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными

выдуманнными мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву.

Из романа в роман Островская доходчивым и простым языком через захватывающее приключение доказывает нам, что порядочность, отвага, честность и любовь всегда победят ненависть, подлость, злобу и алчность. Но победа легкой не будет – за нее придется побороться! Героям Островской – самым обыкновенным, зачастую невзрачным, на первый взгляд ничем не примечательным людям – приходится сражаться за свою жизнь, преследовать опасного преступника, а потом героически, зачастую на краю гибели, давать последний бой в логове врага без видимых шансов на успех и... брать верх, одерживая полную победу. «И в этой пытке многократной рождается клинок булатный»: закаляется характер, простые люди становятся сильными, бесстрашными и по-настоящему мужественными героями.

Татьяна Устинова

Часть первая

Глава первая

Парковочную стоянку Павел проскочил насквозь, подыскивая место, где можно вклиниться, потом остановился и сдал назад. Двигаясь задним ходом, попытался втиснуться между сверкающим полировкой черным «Гелендвагеном» и розовым родстером «БМВ». С трудом, но въехал, однако, подумав немного, решил не оставлять свою старенькую «Хонду» в таком опасном соседстве и отправился искать другое местечко. Как раз в это самое время напомнил о себе мобильный. Звонила Лена Прошкина, с недавнего времени исполняющая обязанности и секретаря, и офис-менеджера, и курьера, которого просили смотаться до буфета и обратно.

Павел не ответил, отыскал безопасное место, загнал туда автомобиль и только тогда набрал номер Прошкиной.

– Что-то очень срочное?

– Простите, Павел Валентинович, – сразу начала оправдываться Леночка, – вы просили не беспокоить вас на выездах, но уже дважды вас спрашивал Алексей Юрьевич.

– Какой? – не понял Ипатьев.

– Алексей Юрьевич Рахимов, – прошептала Прошкина, удивленная такой забывчивостью начальника, – генеральный

директор канала.

– Сам звонил?

– Первый раз секретарша, а потом лично интересовался, когда вы появитесь. Он только что звонил, то есть минут пять назад. Сказал, что срочно надо встретиться.

– Тогда я к нему сейчас поднимусь. Я уже на Чапыгина¹.

Ипатьев почти не сомневался, о чем пойдет речь: Алексей Юрьевич попросит поделиться рекламным временем, что удивительно. Потому что договор с независимой программой «Город принял» составляли юристы канала, и ничего подобного там предусмотрено не было. Но ссориться с генеральным директором канала не хотелось, потому что почти семь лет назад популярная программа была закрыта, и все эти годы Павел бился за то, чтобы городские криминальные новости вновь появились на экране в его представлении, а не в изложении пресс-службы ГУВД.

Охранник, сидящий в будке возле турникета, узнал Павла с запозданием и в последний момент крикнул ему в спину:

– Классная передача была в пятницу! Я даже повтор на «России 24» смотрел.

Ипатьев поднялся по лестнице и вышел в коридор, ведущий к приемной генерального. Навстречу спешили или просто спокойно шли сотрудники канала, и каждый что-то хотел сказать ему или пожать руку. А семь лет назад эти же люди

¹ Улица Чапыгина в Санкт-Петербурге, на которой находится здание 5-го канала.

шарахались от него как от прокаженного, зная, что у него конфликт с генеральным. Но теперь канал возглавляет другой человек – с Рахимовым Павел никогда прежде не ссорился, да и теперь не собирается.

Секретарь Алексея Юрьевича поднялась из своего кресла.

– Здравствуйте, я сейчас доложу, что вы пришли.

– А по селектору нельзя? – напомнил Ипатьев.

– Можно, конечно, – приветливо улыбнулась девушка, – но у нас с Алексеем Юрьевичем так заведено, что если приходит кто-то из подчиненных, то я по селектору, а если кто-то из уважаемых, то я лично докладываю.

– Выходит, я попал в список Вип-персон, – то ли спросил, то ли удивился Павел.

– Конечно, – с уверенностью отозвалась секретарша, – весь город смотрел ваш репортаж о том, как вора в законе убивали². У меня даже мама чуть не заплакала, сказала, всех бы их так...

– Как раз этого я вам обещать не могу, – произнес Ипатьев, пытаясь вспомнить, как зовут секретаршу.

Семь лет назад была другая – такая же все понимающая, стройная и медлительная. По слухам, она потом удачно вышла замуж, а после очень удачно развелась. А ту звали...

Открылась дверь кабинета, и в приемную вышел сам Рахимов. Он плотно прикрыл за собой дверь, хотел что-то сказать секретарше, но, увидев Павла, обратился к нему, и по-

² Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Открой глаза, Фемида».

чему-то шепотом:

– Ты уже здесь. А я уже устал ждать. У меня тут полчаса сидит силиконовая из пресс-службы ГУВД. Достала не знаю как. Вот, вышел сказать Лесе, чтобы она позвонила по селектору и напомнила, что меня срочно ждут на заседании учредителей медиагруппы.

– А когда заседание? – удивилась секретарша. – У меня нет такой информации.

Алексей Юрьевич посмотрел на нее, явно удивляясь наивности подчиненной.

– Это я так, чтобы она поскорее ушла, – объяснил он секретарше и посмотрел на Ипатьева. – А вообще она по твою душу притащилась. Не знаю, что она собиралась тебе заявить, но мне сказала, что такие материалы, как те, что ты в пятницу показал, надо согласовывать с городским управлением. – Он снова посмотрел на Лесю: – А ты все равно через пять минут напомни мне, что у меня совещание с руководством медиахолдинга.

Рахимов открыл дверь настежь, пропуская вперед Павла:

– Заходите, Павел Валентинович! А то мы вас заждались, – посмотрел на молодую женщину в полицейской форме с погонами полковника, – вот, Инна Петровна, доставил. В коридоре, можно сказать, выловил. Норовил улизнуть.

Руководитель пресс-службы изобразила усталость от полчасового ожидания.

– Здравствуйте, Павел.

– Привет, – ответил Ипатьев, подходя к ней, – мы же вроде на «ты» были. Или что-то случилось? Хотя... Когда мы виделись в последний раз, ты была еще майором.

– Я была тогда подполковником.

Ипатьев наклонился и шепнул в ароматизированное женское ухо:

– Ты была тогда под генералом.

Полковник полиции покосилась на Рахимова, пытаясь понять, слышал ли он, и ответила тихо и без злобы:

– Ты дурак.

Рахимов опустил в свое кресло и сказал:

– Господа, если можно, то побыстрее. Потому что у меня заседание... то есть совещание в совете учредителей холдинга.

– У меня тоже там заседание, – подхватил Ипатьев, – пригласили, а я замотался и чуть не забыл, ведь вторым вопросом повестки стоит как раз взаимодействие моей программы со всеми структурами. Меня просили подумать о версии для радиовещания.

– погоди! – возмутилась Инна Петровна. – Я понимаю, что ты хочешь поскорее смыться. Но я прилетела сюда по настоятельной просьбе начальства провести с тобой разъяснительную беседу, чтобы ты понял наконец, что подобные материалы надо согласовывать. Но главный вопрос: откуда ты мог знать, где находится гражданин Качанов, которого весь город знал как криминального авторитета Каро Седого? Как

ты мог знать, что на него готовится покушение?

Ипатьев посмотрел на хозяина кабинета, а тот показал на свои наручные часы – якобы предупреждая, что у него времени в обрез.

Павел кивнул, давая понять, что заканчивает, и продолжил:

– В пятницу состоялся суд: с Каро Седого были сняты все обвинения. Он был освобожден из-под стражи прямо в здании суда и уехал. Мой сотрудник проследовал за ним, узнал, что преступный авторитет прибыл в загородный дом, сообщил мне. Я со съемочной группой отправился туда и увидел то, что потом смотрели все телезрители, включившие городской телеканал.

– Весь город включился, когда люди узнали, о чем пойдет речь, – подтвердил генеральный директор, – рейтинг просто зашкаливает, два центральных канала показали потом этот репортаж.

Алексей Юрьевич еще раз посмотрел на часы.

– Есть какая-то журналистская этика, – воспользовавшись паузой, повысив голос, провозгласила полковник полиции, – если тема находится в прерогативе правоохранительных органов...

– Стоп! Стоп! Стоп! – остановил ее Алексей Юрьевич. – Почти два десятка лет назад на факультете журналистики я вам обоим преподавал введение в специальность, основы тележурналистики и этику журналистской деятельности. А по-

тому не надо больше таких экскурсов. Главное в работе журналиста, а особенно это касается телерепортера: кто успел, тот и съел. А сейчас...

Рахимов нажал кнопку селектора.

– Леся, мне никто не звонил?

– В смысле из медиахолдинга? – вспомнила секретарша. – Так еще пяти минут не прошло, а вы сказали, чтобы...

Алесе́й Юрье́вич сбросил вызов и поднялся.

– Но мне все равно надо собираться. А вы, если хотите продолжить разговор, то, пожалуйста, где-нибудь в другом месте. У тебя, Павел Валентинович, есть в этом здании и свои арендованные помещения. Можете в кафе, где все располагает, а мне надо бежать...

Втроем вышли в коридор. Полковник полиции посмотрела на Ипатьева.

– Давай где-нибудь без посторонних.

– Мне через пять минут надо быть в монтажной.

Инна помолчала, потом вздохнула.

– Паша, ты помнишь, как мы...

– Ты это о чем? – переспросил Ипатьев, прекрасно все понимая. – Давно это было, и не надо ворошить...

– Да я не к тому. За мной ведь никакой вины. Это ты сам вдруг женился, перешел на заочный и вкалывал здесь на подхвате в студии новостей. Это ты меня бросил, а не я тебя. Сейчас ты – один и я тоже, может, попробуем снова?

– Не снова, а в очередной раз, – напомнил Павел, – в тре-

тий уже... Хотя третий раз уже был. Но, если честно, я тогда просто по пьяни... Прости. Семь лет назад, когда меня поперли не без участия твоей конторы, а потом еще жена бросила... Вот я и забухал сильно... А сейчас времени нет ни на пьянку, ни на любовь. Да и тебе самой зачем это?

– На втором курсе я тебя сильно любила, – вздохнула Инна Петровна, – я даже на девять килограммов похудела, чтобы тебе понравиться... Мы же с тобой почти полгода...

– У меня монтаж программы, – напомнил Ипатьев.

– Я все поняла, – тряхнула головой полковник полиции, – от ворот поворот, значит. Но ты учти, когда тебя в очередной раз попрут с телевидения, не приходи больше ко мне: ни трезвым, ни пьяным – вообще никаким не приходи, потому что ты сегодня для меня умер. И если по работе придется пересекаться, то я для тебя Инна Петровна и тупых шуток про генералов я уже не буду прощать.

Она шагнула в сторону, но вспомнила:

– Как мама твоя? Про бабушку не спрашиваю, потому что столько лет прошло и всякое могло случиться...

– С мамой все хорошо: на пенсии, но продолжает работать в школе. И бабушка жива, слава богу... Девяносто восемь лет, но голова светлая и бодрая, правда, с палочкой ходит. Сегодня как раз собираюсь к ним заехать.

– Передавай им привет, – кивнула бывшая сокурсница.

Повернулась резко и пошла прочь почти строевым шагом, но таким скоростным, словно боялась, что сама не выдержит

и вернется.

Глава вторая

Он въехал в низкую и узкую арку, потом через тесный дворик к подъезду дома, в котором жили бабушка и мама, а когда-то и он сам. Родной дом был старше бабушки на пару десятков лет. И появился он в те далекие и светлые годы, когда местные землевладельцы продавали здесь свои садики и огороды под застройку непохожими друг на друга пятиэтажками с крашенными веселой краской стенами с притулившимися к ним дровяными сараями.

Теперь пятиэтажный серый домик казался вросшим в землю. Окна первого этажа всегда плотно зашторены, потому что внутрь мог заглянуть любой проходящий мимо. Два парадных входа с фасада: лестницы с узкими площадками на четыре квартиры, и еще два таких же – из внутреннего дворика.

Павел прошел через двор, который в пору его детства был другим – тогда он казался большим и в центре его имелся газон с вытоптанной площадкой в центре, где играли дети – совсем маленькие, которым было запрещено выбегать за пределы тихого маленького мира. Теперь весь дворик был заасфальтирован – непонятно, с какой целью, ведь все жильцы договорились не оставлять здесь свои автомобили.

Все друг друга знали, все жили мирно, и даже если кто-то и ссорился с кем-то, то быстро мирился. Те, кто жил здесь,

были как родственники, потому что семьи всех жильцов обитали здесь долгие годы, поколение за поколением. Хотя теперь прежние жильцы уже не жили здесь, а доживали, потому что молодежь разлеталась, не желая обитать в тесных комнатках в атмосфере унылого покоя и затхлости и видеть близкие окна соседей, где застыла точно такая же тоскливая жизнь.

Ипатьев пересек дворик, никто его не окликнул и не поздоровался. Окна почти всех квартир были приоткрыты, но никто не выглядывал из них, потому что, сколько ни смотри, все равно ничего нового не увидишь. И только откуда-то из-под крыши вылетел обрывок песенки ушедшего века.

...Все стало вокруг голубым и зеленым. В ручьях забурило, запела вода...

Он шел по лестнице, вдыхая знакомые с детства ароматы лестницы старого дома, поднимался в тишине, и не было никаких звуков в тесном пространстве, кроме шороха его собственных шагов. Так он добрался до пятого этажа, достал из кармана связку, где был единственный ключ от родной старой двери. Но потом решил позвонить, поднял руку и увидел, что дверь затворена неплотно, толкнул ее и вошел. В квартире было солнечно и тихо: не было слышно ни работающего телевизора, ни голоса трехпрограммного радиоприемника, висящего на стене в кухне с доисторических времен, не было ничего: ни разговоров, ни шагов, ни дыхания. Он вошел в гостиную...

Мама лежала лицом вниз в луже крови. Бабушка сидела в большом старом кресле, откинув назад голову... Крови на ее халате было немного: ее дважды ударили ножом, и оба раза точно в сердце. Павел почувствовал, как похолодело его лицо и обмякли руки, но он подошел к телу матери, присел и двумя пальцами коснулся сонной артерии: пульса не было. Не поднимаясь, оглядел комнату: все, что хранилось в шкафах и столах, было разбросано по полу и диванам. Ипатьев достал телефон и набрал номер.

Сообщил о случившемся, слыша свой собственный голос откуда-то издалека, словно говорил не он сам, а какой-то другой, незнакомый ему человек, с каменным сердцем, равнодушный ко всему, что было вокруг.

– Еще раз представьтесь и повторите адрес, – попросил женский голос в трубке, – сейчас к вам будет отправлена дежурная машина.

– Это Ипатьев, программа «Город принял», – тихо сказал Павел и больше не мог выдать из себя ни слова, потому что у него сдавило горло, словно кто-то, подкравшись неслышно сзади, обхватил его шею жесткими стальными пальцами.

Не прошло и пяти минут, как во двор влетел служебный автомобиль, а когда трое полицейских поднялись в квартиру, подъехали еще две машины.

Один из вошедших представился:

– Начальник убойного отдела РУВД майор Гончаров.

– Мы знакомы, – кивнул Павел, – вы расследовали дело

об убийстве антиквара Соловейчика. Тогда вы тоже были начальником убойного отдела. Я пытался взять у вас интервью, но ничего не получилось.

– Было такое, – подтвердил Гончаров, – лет семь назад, а может, и восемь. Я все хотел найти возможность извиниться за тогдашнюю свою грубость.

– Я не обиделся, послали и послали: у каждого своя работа, а я мешал, вероятно.

Привели понятых из соседней квартиры, пожилую пару, которых Ипатьев знал с детства. Старушка обняла Пашку и стала рыдать. Ее увели и позвали соседа снизу.

Эксперты начали свою работу, а Павел ушел на кухню. Очень скоро к нему присоединился майор Гончаров. Разложил перед собой листы бумаги, собираясь, очевидно, заносить туда показания Павла.

– Что-то ценное пропало? – спросил майор.

– Я особо не смотрел еще, но пропадать нечему. Кажется, ноутбука нет, который я подарил маме лет пять назад. Компьютер старый, но не из дешевых. Я ее обучал работать на нем, потому что детишки сейчас продвинутые, а ей хотелось разбираться во всех этих тиктоках, чтобы говорить с ними на одном языке. Ценностей в доме не было. Разве что дешевые цепочки, сережки, перстень у бабушки... Но тоже не из дорогих. Были награды бабушкины и деда... У бабушки медали: «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейные и «Ветеран труда». Но,

сами понимаете, стоит это гроши. А после дедушки остались ордена: Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и два Отчественной войны, и еще один – польский «Крест Грюнвальда», ну и медали...

– Ордена денег стоят, – напомнил полицейский, – в них же драгметаллы.

– Все равно это гроши. За сто тысяч рублей вряд ли кто пойдет на убийство.

– Мне тоже кажется, что убийцы шли сюда не за добычей, – тихо произнес Гончаров. – Сами как думаете, кто-то мог им мстить за что-то? Или, может, это месть вам?

– Им не за что, а мне – вполне возможно. Хотя вроде не за что. За то, что передача возродилась? Но мне и раньше угрожали пару-тройку раз, но действий против меня никаких не было.

– А за репортаж с убийством Каро Седого могли отомстить?

– А что я такого показал особенного? Кто-то пробрался к его бане и расстрелял его вместе с телохранителями. Я-то каким боком к убийству? Просто отснял и показал – это моя работа.

– Зато у нас на ушах стоят: в субботу собрали всех и сказали, что надо готовиться к войне за передел криминального мира.

Майор резко поднялся и направился в гостиную, где продолжали работать эксперты-криминалисты. Павел подошел

к холодильнику, открыл дверцу и заглянул внутрь. Там стояла коробка с тортом, судя по всему, бабушка с мамой готовились встретить его сегодня. Может быть, они радовались, что на экранах снова будет популярная программа, которую придумал их внук и сын, и захотели отметить событие праздничным чаепитием.

Ипатьев выглянул во двор: внутренний дворик наполнялся соседями, все что-то обсуждали, смотрели на окна квартиры Ипатьевых: люди уже все знали. К ним подошли опера и участковый, стали опрашивать.

Вернулся начальник убойного. Садиться за стол не стал, а начал оглядывать помещение кухни.

– Здесь когда-то дровяная печь стояла, – наконец произнес он.

Ипатьев кивнул, не понимая, при чем здесь печь.

– Я к чему о печке спрашиваю, – продолжил майор, – потому что должен был остаться дымоход.

– Не знаю, – покачал головой Павел, – при чем тут это?

– При том, что некоторые жильцы подобных старых домов там очень часто что-то прячут. Что-нибудь ценное. Не у всех же есть возможность арендовать банковскую ячейку в депозитарии. Делают это на случай, если залезут воры и все перероют, но в дымоход не полезут, потому что не знают о нем, а там...

– Бабушка ничего не прятала, – не дал ему договорить Ипатьев, – я бы знал об этом, да и прятать-то было нечего.

Я уже говорил.

– Наград мы не обнаружили, – доложил Гончаров, – но орденские книжки остались. Будем по номерам искать. Тряхнем всех известных барыг в городе, все скупки, рынки, интернет-магазины, сайты разные, чтоб им провалиться. – Майор говорил так, словно оправдывался. – Мы уже начали работать: я отзвонился и попросил проверить по камерам все автомобили, выезжающие из вашего квартала за последние два-три часа.

Ипатьев кивнул и подумал, что Гончаров в полиции служит лет двадцать, а то и двадцать пять, то есть раза в два больше Инны Снежко, но она полковник, а он застрял в майорах.

– Опером начинали? – поинтересовался Павел.

– Так я и сейчас опер, – признался Гончаров, – люблю свое дело. Когда меня ранили в первый раз... Ну как ранили: пуля попала в бронежилет, только ребро сломано было. Мне дали несколько дней отлежаться; маме я сказал, что на лестнице оступился и упал. Она поверила. Мамы всегда верят. Простите.

Дал знать о себе мобильный. Вызывала Инна, о которой он недавно вспомнил. Павел сбросил вызов, но она позвонила снова. Пришлось отвечать.

– Паша! Пашенька! – услышал он ее стон. – Как такое могло случиться? Ужас какой-то! За что? Мне дежурный по городу сообщил о твоем горе, и я сразу к тебе рванула, чтобы

поддержать...

– Не надо, – попросил Павел.

Но Снежко не слушала.

– Я уже еду, – выдохнула она, – я тебя не оставлю одного в такую минуту.

Очень скоро она приехала, но не одна: сначала во внутренний дворик, куда даже жильцы дома не ставили свои автомобили, въехал розовый родстер «БМВ», а за ним серый микроавтобус с бортовой надписью «Пресс-служба ГУВД». «бээмвэшка» посигналила, призывая собравшихся во дворе жильцов расступиться. Гончаров выглянул в окно и вздохнул. Потом посмотрел на Павла.

– Я не могу ее не пустить, – произнес он, – а то на всех заседаниях меня склонять будут, что препятствую профессиональной деятельности журналистов в погонах. Еще и выговор влепят, а у меня еще предыдущий не снят. Вы уж сами как-то так с ней...

Ипатьев вышел из квартиры и начал быстро спускаться. Не успел выйти во двор, как в парадную заскочила Снежко, а за ней оператор с камерой на плече. Камера была включена.

– Пашенька, – простонала Инна и бросилась к нему, пытаясь обнять, – я сама чуть не умерла, когда узнала...

– Что за цирк! – возмутился Ипатьев, уворачиваясь от ее объятий. – Инна Петровна! Товарищ полковник полиции, в данный момент проводятся все необходимые оперативно-следственные мероприятия. Начальник районного убой-

ного отдела майор Гончаров – опытный специалист, и не надо ему мешать...

Снежко обернулась к оператору и сделала жест, означающий, что можно заканчивать съемку. Потом все же обняла Павла и сказала тихо, без стонов и вздохов:

– Я помню, как ты привел меня сюда после первого курса... Твои мама с бабулей были на даче... Ты помнишь?

– Я все помню, но...

Ипатьев не успел договорить, потому что открылась дверь и вошел мужчина пятидесяти с небольшим лет, увидев которого, Инна отстранилась от бывшего сокурсника, отступила на шаг и поправила прическу.

– Здравствуйте, Иван Васильевич, – сказала она.

Мужчина кивнул в ответ и протянул руку Павлу.

– Мои соболезнования, – сказал он, – я приехал лично сказать, что беру это дело под особый контроль и постараюсь, чтобы расследование было доведено до логического конца и все причастные к этому преступлению понесли заслуженное наказание. Мы с вами знакомы уже давно, с той поры, когда я был еще старшим следователем, и вы знаете, что я не даю пустых обещаний. Нет такого преступления, которое не может быть раскрыто. Мы постараемся. Сотрудники Следственного комитета, которые будут заниматься расследованием, прибыли вместе со мной...

– Там уже районный убойный работает, – предупредила Снежко, – майор Гончаров.

– Хорошо, – кивнул начальник Городского Следственного комитета, – объединим наши усилия, и это поможет расследованию.

– Спасибо, – кивнул Ипатьев.

Иван Васильевич попрощался и вышел.

– Ты камеру включил? – обратилась Снежко к оператору.

– Так я и не отключался, – ответил молодой человек.

– Это хорошо. Потом смонтируем, покажем начальника ГУВД, который выразит свои соболезнования и скажет, что был на месте преступления и берет расследование под свой личный контроль. А то получается, что Следственный комитет первым подсуетился...

– Убирайтесь, – попросил Павел.

Инна снова обняла его и чмокнула в щеку.

– Держись, Паша! – шепнула она и еще тише выдохнула: – Мне приехать к тебе сегодня?

– Валите отсюда! – едва не закричал Павел.

Он вернулся в квартиру, снова вышел на кухню, достал из холодильника торт и направился к соседям. Дверь открыла старенькая соседка: он даже не знал, сколько ей лет: понятно, что она младше бабушки, но старше мамы. Протянул ей коробку и, когда увидел, что она хочет отказаться, объяснил, что его ждали дома, хотели, вероятно, отметить возобновление его работы на телевидении. Соседка осторожно взяла коробку. Передала ее подошедшему перепуганному ста-

рику-мужу, потом подхватила Пашу под локоть и затащила его в квартиру.

– Как обидно, как обидно! – начала причитать она. – Я полдня смотрю в окно, как будто жду кого-то. А тут ничего не видела, как дура. Никого не видела! Ничего не слышала.

Она посмотрела на застывшего старика и махнула рукой, требуя, чтобы он удалился.

– И Вася ничего не слышал. Да и что он может слышать: глухой совсем, и аппарат, как назло, сломался. А бабушка твоя, когда из дома уходила, всегда просила с твоей мамой посидеть. Валечка тогда совсем маленькая была, и я ей песенки пела про веселый ветер, про чибиса... Я же тогда пионеркой была.

И соседка заплакала.

С приближением сумерек полицейские и опера Следкома уехали, тела мамы и бабушки увезли еще раньше. Последним из квартиры вышел майор Гончаров. Павел проводил его до выхода со двора. Расстались под низкой арочкой, в которую не всякий грузовичок мог проехать.

– Самое тяжкое в нашей работе, – признался майор, – когда вот так расправляются с беззащитными стариками или детьми. А потом суд дает убийце двадцать лет или того меньше... Живыми оставляет тех, кому нет места на земле. Так что самому надо найти этих тварей... – Он заглянул в глаза Ипатьева и пообещал: – Даю слово, что если мне придется их брать, то живыми их не оставлю.

Павел кивнул, пожал руку, поплелся к своему парадному, а из всех других выходили люди и шли следом, молча догоняя его, чтобы окружить и утешить.

Оставшись один, Павел пытался лечь, но уснуть не получалось, он закрывал глаза и пытался думать о чем-то другом, но и этот номер не проходил. Дважды звонили со студии и просили разрешения приехать поддержать, но он отказался. Потом включил телевизор и сразу увидел печальную Инну.

– С Павлом мы друзья со студенческой скамьи, – рассказывала она, – учились на одном курсе. Я много раз бывала у него дома... то есть у них дома. Была прекрасно знакома и с мамой, и с бабушкой... Бабушка – большой души человек... Блокадница. У нее была привычка, которая свойственна всем, пережившим то страшное время. Заканчивая обед или ужин, собираясь покинуть стол, она смахивала со столешницы крошки хлеба в подставленную ладошку, а потом отправляла их в рот, чтобы не пропадали зря. – Инна всхлипнула, быстро отвернулась и произнесла уже изменившимся голосом: – А теперь ее нет...

Он выключил телевизор, взял телефон и набрал номер Снежко.

– Приезжай: тошно мне одному.

Глава третья

Утром было еще хуже. И от того несчастья, что случилось накануне, и от той глупости, что он совершил ночью, и оттого, что за окном была серая хмарь. Павел забрался под душ, желая там укрыться от Снежки, но она пришла и села на край ванны. Да ладно бы сидела молча, но ее несло.

– Столько времени потеряли! – разглагольствовала она. – И чего тебя угораздило тогда жениться. Нашел себе какую-то филологиню, а зачем? Ведь с самого начала было ясно, что у нее это несерьезно. Ты же был никто, а ее родители – в смысле ее папа – владелец строительной корпорации. К хорошей жизни тебя потянуло? Ведь у нас все было нормально.

– Ничего у нас не было нормального, – не выдержал Ипатьев, – пару раз переспали, и только. И здесь ты была раза три всего, и бабушку мою видела лишь однажды.

– И одного раза достаточно, – попыталась возразить Инна, – я, например...

– Ты-то при чем тут? – ответил Павел, смывая пену с головы. – Будущий тесть застукал меня в постели со своей дочерью. Хотел тут же убить, но Светка не дала. Стала кричать, что я ее жених. А я вроде не возражал. Во-первых, она симпатичная, а во-вторых, оказалась богатой, то есть понравилась мне со всех сторон. Да и все у нас было нормально, пока меня с телевидения не поперли, пока я пить не начал и пока

я не признался жене, что изменил ей.

– Это когда ты у меня остался?

– С тобой я изменил самому себе, потому что не помню, как это случилось. Может, и не было ничего, а ты наврала утром. Кстати, откуда у тебя «БМВ» «Z-4»? Он ведь миллион пять стоит, даже подержанный.

– Мне он в миллион обошелся. Это конфискат, который распродают на закрытых аукционах.

– Скинь мне всю информацию, – попросил Ипатьев, – я сделаю об этих аукционах отдельную передачу, расскажу, как сотрудники ГУВД приобретают дорогие вещи с гигантскими скидками.

Инна молчала долго, словно дожидаясь, когда он вылезет из ванны, наблюдала, как он вытирается полотенцем.

А потом спросила:

– Ты помнишь, что ночью сделал мне предложение? Наверняка все рассчитал: мол, выгодная партия. Симпатичная, четырнадцать лет в органах, а уже полковник...

– Начальник районного убойного Гончаров, что про него можешь сказать?

– Хороший мент. Может быть, даже очень хороший. У него самая высокая раскрываемость в городе. А может, и в стране. Его в городское управление несколько раз пытались вытащить, хотели замом Жаворонкова – это начальник местного РУВД – сделать, но управление кадров не пропускает.

– При чем тут кадры? – не понял Ипатьев. – Все опирается

в одного человека. Ты знаешь, кто это.

Снежка молча кивнула.

– Но если у него все хорошо по раскрываемости, то почему его маринуют? – продолжил Павел.

– Да потому что он очень часто в перестрелки встречается. Лет пятнадцать назад, я еще не пришла работать, он банду вымогателей вычислил. Их всей страной искали... Бандиты похищали предпринимателей, пытали и мучали... Даже детей не жалели. Твой Гончаров сел им на хвост и со своими дружками перестрелял всех до единого при задержании. Якобы они оказали сопротивление.

– А на самом деле?

– Ну и что! Преступники оказали сопротивление – так что, всех убивать за это? Генерал Корнеев был уверен, что у бандитов в нашем городе был общак банды заныкан. Несколько миллионов евро! А после того как твой Гончаров ликвидировал всех участников банды, денежки пропали³. А вообще, если ты надеешься, что твоим делом будет заниматься Гончаров, то не мечтай. Сам слышал, что сказал генерал юстиции Евдокимов: Следственный комитет забирает дело. Гончаров не при делах, и вообще – он до пенсии останется майором. И поделом! И вообще...

Бывшая сокурсница вздохнула, очевидно собираясь сообщить нечто очень важное. Но тут раздался громкий звонок в дверь.

³ Екатерина Островская. «Девушка вне всяких подозрений».

– Товарищ полковник, пожалуйста, – попросил Павел, – сегодня поработайте швейцаром.

После душа стало чуть легче. Он посмотрел вслед Снежко: Инна шла по коридору в одних красных стрингах.

– Накинь на себя что-нибудь! – крикнул Ипатьев.

Бывшая сокурсница, не сбавляя хода, сдернула с вешалки полковничий мундир, надела его и застегнула пару пуговиц.

– Кого это носит в такую рань? – возмутилась она громко – так, чтобы слышно было стоящему за дверью. – Полвосьмого утра!

И открыла дверь. На маленькой площадке толпились люди.

– Мы к Паше, – произнес высокий мужчина, – мы с ним вместе в школе учились.

Инна сразу узнала этого человека и очень удивилась, даже немного испугалась. Но тут же пришла в себя, постаралась чуть-чуть присесть и натянуть мундир пониже, чтобы не были видны красные трусики.

– Простите, Владимир Васильевич, – прошептала она и захлопнула дверь перед самым носом заместителя председателя городского суда⁴.

Вообще-то, она и не собиралась открывать, хотела через дверь узнать, кто пришел так рано, и отодвинула задвижку совершенно машинально. Кто же знал, что на площадке окажется судья Высоковский и еще куча свидетелей. Свидете-

⁴ Екатерина Островская. «Открой глаза, Фемида».

лей ее позора.

Она кинулась обратно в спальню, успев бросить по дороге выходящему из ванной комнаты Ипатьеву:

– Паша, там из суда пришли!

Она поспешила одеться, но быстро не получилось, потому что путались колготки и пуговички белой форменной рубашки не хотели застегиваться... То есть рубашка была не форменная, а как бы форменная, но с пуговичками-кнопками, и на каждой кнопочке стояла надпись «Lee cooper». Очень удобная рубашка с сеточкой под мышками для вентиляции, что необходимо именно летом. Потом Инна причесалась, восстановила макияж, попрыскалась духами Masumi Coty, которыми пользовалась лишь в исключительных случаях, но всегда носила с собой, потому что исключительный случай может настичь молодую и симпатичную женщину в самый непредсказуемый момент. К тому же эти духи она купила себе сама, отдав за малюсенький флакончик больше половины должностного оклада.

Она посмотрела на свое отражение в зеркале, постаралась придать лицу деловое выражение, потом смахнула его и примерила выражение скорбно-печальное, но и оно ее не устроило. Пожалуй, лучше быть проникновенно-сочувственной, а для этого надо добавить блеска на губы...

Она осторожно вышла в коридор. В квартире было тихо, она дошла до кухни и заглянула внутрь. Кухня тоже была пуста. То есть не совсем. Павел сидел за столом и пил чай.

– А где все? – удивилась Инна.

– Ушли, – спокойно ответил Ипатьев, – спросили, какая нужна помощь, посочувствовали и по своим делам отправились. У всех ведь работа.

– А ты и в самом деле учился в одном классе с Высоковским?

– Лучшими друзьями были. Он всегда заступался за меня перед классным руководителем. Которая ко мне была очень жесткой.

– Что же она за зверь такой была?

– Классным руководителем у нас была моя мама. А сейчас Володя пообещал, что со своей стороны приложит все силы, чтобы...

– Какие у него силы, – не дала договорить Инна, – если только до суда дойдет, тогда он точно вlepит этим гадам пожизненное. Но ведь тебе майор Гончаров обещал прикончить их при задержании? Ты так мне сказал.

Павел кивнул.

– А Высоковский ведь не женат и никогда не был? – как бы между прочим поинтересовалась Снежка. – Просто я слышала, что у него был роман с Викой – дочкой генерала Корнеева. Все уже к свадьбе шло, но сейчас Корнеева в Москву перевели, а дочка здесь осталась, и твой одноклассник от нее сбежал. А ведь она – симпатичная и неглупая, она знает, наверное, что очень скоро твой друг возглавит городской суд. А вообще, скажу по секрету, его наметили в председатели

Верховного суда. Не сейчас, разумеется, а на перспективу. Высоковскому намекали об этом, а потому зачем ему Вика: он ждет партию получше. Или он принципиально не хочет жениться?

Снежко обняла Павла и шепнула:

– Вы сейчас с ним о чем говорили? Он что-нибудь про меня спрашивал?

Павел задумался, отстранился, а потом пожал плечами.

– Спросил, только я не знаю, стоит ли это говорить...

– Стоит, стоит, – улыбнулась Инна и снова обняла его.

– Хорошо, – согласился Павел, – он спросил, а чем там Снежко в своей пресс-службе зарабатывает, что на такой нескромной машине ездит.

– На себя посмотри, – обиделась бывшая сокурсница, – у него мать и бабушку убили, а он ночью бабу домой притащил. Слабый ты человек, Паша. Слабый и беспринципный.

Ипатьев спорить не стал, хотя он никого не тащил: она сама притащилась с бутылкой Hennessy Paradis. И он пил коньяк, хотя полтора года назад дал зарок – ни капли, и держал данное себе слово до сегодняшней ночи, когда, напившись, сделал Снежко предложение выйти за него замуж. Это было, но домой он к себе никого не тащил: у него и дом на другом конце города – однокомнатная квартирка, в которую теперь возвращаться не хочется.

Глава четвертая

Павел думал, что его немного отпустило, и тяжесть на душе стала меньше, но когда прибыл в здание телеканала, шел через фойе, по лестнице и по коридору, то каждый встречный подходил и выражал свое сочувствие, некоторые при этом приобнимали. И от этого внимания и объятий стало еще хуже. Потом в помещении редакции он сидел за своим столом и смотрел прямо перед собой на стену, где висел плакат восьмилетней давности, на котором он застыл на вылете из микроавтобуса, держа на плече профессиональную камеру Blackmagic, врываясь в мир, где идут бандитские перестрелки, где толсторожие чиновники рассовывают по карманам пачки долларов, где согнулись униженные и оскорбленные, где вдоль дорог сидят дети с протянутой для подаяния рукой. Убогий и пошлый плакатик, но картинка эта работала на его популярность, тогда он был звездой, тогда на него если и не молились, то говорили о нем как о неподкупном и честном человеке. Кассирши в универсамах просили у него автограф, и он расписывался на чеках, поверх стоимости купленных им колбас, консервов и пельменей. Но сейчас он сидел, пытаясь понять, за что убили маму и бабушку. Кто мог быть таким жестоким, чтобы забраться в квартиру, убить двух старушек и вынести из нее грошовые ценности? Вряд ли кто-то из их знакомых, потому что маму знала вся

округа, почти все жители окрестных домов учились в школе, где она долгое время преподавала и была завучем – вот она, школа, и сотни метров до нее не будет, если выйти из низенькой арочки. Местные не пришли бы сюда грабить – те, кто знал маму и бабушку, не могли убить, а случайные люди вряд ли будут подниматься пешком на пятый этаж, рискуя быть замеченными кем-то. Но ведь поднялись, и никто их не видел. Соседи, которых опросили опера и участковые, показали, что возле дома не было посторонних машин и подозрительных людей...

Осторожно ступая, подошла Леночка Прошкина и тихо напомнила, что люди ждут указаний.

– Какие указания? – не понял Ипатьев. – Все грамотные и знают, что надо делать. А я сегодня в нерабочем состоянии... Поеду домой. – Павел подумал и мотнул головой: – Только запишу обращение к горожанам, потому что без них мне не поможет никто.

Он сам принес в свой кабинет камеру и штатив, подготовил аппаратуру и выставил кадр. Потом потянул со стены известный всему городу плакат, но сорвалась только половина, а вторая осталась болтаться на двух кнопках, колыхалась, но держалась. Павел протянул руку, чтобы закончить дело, но остановился: этот плакат теперь олицетворял всю его жизнь, разорванную пополам – ту, что была до вчерашнего дня, и ту, что будет потом. И ничего уже нельзя склеить и что-то изменить в прошлом.

Он заехал в свою однокомнатную квартиру, не собираясь там задерживаться, быстро собрал вещи, упаковал их в две сумки, сидел на дорожку, оглядывая стены, словно прощаясь с ними, подумал, что от квартиры этой надо избавляться, продать ее и забыть, что когда-то жил здесь, потому что не было в ней ни счастья, ни радости. Жил он здесь после развода и после того, как ушел с телевидения, перебиваясь случайными заработками, продавая свою былую популярность, прогуливая и пропивая все, что было в карманах. Сюда он приводил случайных женщин, счастливых оттого, что они в гостях у телезвезды, некоторые из них потом пытались продолжить знакомство, но большинство не возвращались – ведь не у каждой находятся силы терпеть пьяный бред неудачника. И теперь одиночество и душевная боль вернулись, так что эту квартирку можно оставить в прошлом со всеми не самыми приятными воспоминаниями. Скорее надо продавать ставшую ненужной жилплощадь, не раздумывая и не заламывая цену. А деньги все равно нужны: чтобы раздать накопившиеся долги и поставить хороший памятник на могилке мамы и бабушки.

Эти мысли крутились в голове и мешали думать о чем-то более важном, но он не знал о чем – не мог вспомнить, просто оглядывал окружающее его пространство.

Две сумки с вещами – это все, что он нажил за жизнь. Правда, еще он набил два черных мешка для мусора: в один

Павел закинул свою летнюю одежду и обувь, в другой – ноутбук, кофемашину, пакет с кофейными зернами, пачкой макарон и палкой колбасы, которая скучала в пустом холодильнике.

Он подъехал к дому бабушки, оставил машину на парковке, которую оборудовали сами жильцы, и он тогда трудился вместе с ними, развозя в тачке щебенку. Прошел мимо дома, повернул к арке и увидел девушку, которая стояла под ней. Та шагнула к нему.

– Здравствуйте, – еле выговорила она дрожащим голосом, – меня зовут Кристина Тарасова, я училась у вашей мамы... В прошлом году закончила и теперь учусь в педагогическом...

– Ты что-то хочешь сообщить? – догадался Павел.

Девушка кивнула, потом оглянулась и продолжила:

– Я днем учусь, а вечером работаю в кафе официанткой. А за стойкой у нас Рустам. Он и хозяин кафе, и буфетчик. Так вот к нему приходил человек, который предлагал польский орден... А в новостях говорили, что среди похищенных вещей был польский орден вашего дедушки.

– Когда он приходил? – едва не закричал Ипатьев. – Вчера, сегодня?

– Нет, он приходил давно, – стала объяснять девушка, – десять дней назад или две недели. Он принес какие-то награды. Мне тоже было интересно, я хотела посмотреть, но Рустам меня прогнал, сказал, чтобы я работать шла. Но я

слышала, как Рустам сказал, что ему не нужен орден строителей Польши, потому что такой у него уже есть. Ему нужен Крест... этого...

– Грюнвальда?

– Ну да. А тот человек сказал, что если надо, то он принесет. И потом он ушел.

– Зачем ваш буфетчик скупает ордена?

– Он коллекционер. Девочки сказали, раньше он свою коллекцию на стене в кафе размещал, но потом убрал. Говорят, там было много орденов и медалей. Посетители приходили и рассматривали, а некоторые приносили потом награды и предлагали Рустаму.

– Бог с ним. Ты помнишь того, кто приносил польский орден и обещал еще?

– Так я про то и говорю. Я вчера шла домой мимо вашего дома, и как раз он шел мне навстречу... Я сразу его узнала...

Павел пошатнулся, и у него зазвенело в ушах.

– погоди, – остановил он девушку, – то есть он вышел из арки – той, где мы сейчас с тобой стоим...

– Я не видела, откуда он вышел, я только видела, как он шел. У него на спине был большой рюкзак.

– Можешь его описать?

– Рюкзак? Ой! Мужчину описать? Конечно, могу. Он высокий, лет тридцать, мне кажется, что не русский.

– Почему тебе так кажется?

– Лицо круглое, и глаза как у таджика или узбека. Ка-

кое-то восточное лицо, но не смуглое. Одет прилично. На нем был светлый пиджак с подвернутыми рукавами и джинсы – не дешёвые.

– Далеко твоя работа?

– Полчаса на маршрутке. Но он на машине уехал. Сел за руль и сразу поехал.

– Здесь стояла его машина? – не поверил Павел.

– Нет. Просто мне интересно стало, что этот знакомый Рустама здесь делает, я повернулась – и за ним. Но догнать не смогла. Вышла на улицу и увидела только, как он сел в машину и уехал.

– Какая машина?

– Серая или голубая. Марку я не знаю. А кафе наше называется «Жуда мазали».

– Как? – не понял Павел.

– Это по-узбекски означает «очень вкусно». Но Рустам купил кафе уже с готовым названием и говорит, что его менять надо. А то к нам одни чурки прут, а на них много не зарабатываешь. Простите, но он именно так говорит.

Ипатьев достал мобильный и позвонил майору Гончарову, сообщил, что нашел свидетельницу, которая, скорее всего, видела мужчину, убившего его маму и бабушку.

– Я сейчас подъеду. А пока дайте ей лист бумаги, и пусть она запишет на него все, что вам рассказала, не пропуская даже самой мелкой детали.

– Есть часок времени? – спросил Ипатьев девушку.

Та задумалась, посмотрела на часы и кивнула.

Поднялись в квартиру, Павел провел девушку на кухню, вынес ей пачку листов для принтера.

– Очень подробно изложите: в какое время это было, как он выглядел, во что был одет, где его встречали прежде.

Он сел рядом, но почти сразу пришлось вставать, потому что приехал начальник убойного отдела РУВД. Майор Гончаров подошел к девушке и посмотрел на то, что она пишет.

– Все очень грамотно, – оценил он, – дай бог, чтобы вы не ошиблись.

– Я могу его и нарисовать, чтобы вам было удобно фоторобот делать.

– Нарисуйте, но проехать к специалистам все равно придется, чтобы они еще и с ваших слов составляли. Они будут детали заменять: такой нос или какой-то другой, брови кверху или опущенные домиком.

Начальник убойного отдела посмотрел на Ипатьева и быстро отвернулся, но Павел понял, что имел в виду майор.

– Сейчас начинается ваша передача, – напомнил Гончаров, – мы скинули в редакцию наши телефоны с просьбой сообщать всю возможную информацию.

Ипатьев включил телевизор и увидел на экране себя на фоне разорванного плаката. Он сидел за рабочим столом и смотрел в сторону, потом повернулся к камере, смахнул что-то с лица и начал говорить:

– Сегодня не я буду вести программу. Не могу. Я появил-

ся на ваших экранах лишь для того, чтобы рассказать о своей бабушке. Ей было без малого девяносто восемь, и вчера ее убили вместе с моей мамой. Убийцы пришли в нашу старенькую квартирку, чтобы украсть что-нибудь. Они шли на воровство с ножом, но о них не буду. Я о бабушке. Она закончила десять классов, и сразу началась война. Мой прадед-инженер пошел на фронт добровольцем и погиб через несколько недель. Бабушку, которой было тогда семнадцать, отправили на заготовку дров... Начиналась первая и самая страшная блокадная зима. Бригада лесорубов состояла из восьми девочек. Бабушка была бригадиром. Им сказали, что норма выработки – шесть кубов леса на каждую. Это была довоенная норма для здорового и сытого мужика-лесоруба. Только маленькие голодные девочки перевыполняли эту норму, потому что город замерзал. У них не было никаких бензопил, только двуручные и топоры. Работали без выходных дней с раннего темного утра и до тех пор, пока от усталости не падали с ног. Возвращались в землянку, в которой пол был покрыт льдом. Растапливали буржуйку, и очень скоро в землянке не было льда, но зато до середины голени стояла вода. Спали на двух двухъярусных кроватях по две девочки на одно спальное место. Помещались, потому что все были действительно маленькими, моя бабушка оказалась самой крупной: ее рост был метр пятьдесят пять. Вот такая она была крохотная... Весной сорок второго ее вызвали в город и дали время заскочить домой. Только дома уже не было, то есть он

стоял, а мама, младшие сестры и брат – все умерли от голода. Умерли в квартире, в которой нелюди вчера убили ее саму и ее дочь – мою маму. А потому просьба, если кто-то что-то знает или вдруг узнает случайно, сообщайте в программу, а еще лучше в полицию или в Следственный комитет. Все.

Бегущей строкой пошли номера телефонов: Следственного комитета, районного управления полиции, городского управления... Номеров было много. Кристина Тарасова уткнулась взглядом в лист бумаги, в текст, который только что написала, и плакала. Рядом лежал еще один лист с нарисованным мужским лицом. Гончаров взял этот лист и стал вглядываться в изображение.

Потом поднес к уху мобильный.

– Сергей, не теряй времени, – приказал он кому-то, – прыгай в машину, только не в дежурную, чтобы не светиться, а в свою тачку. Дуй к кафе «Жуда мазали»... И веди наблюдение... Только скрытно. Нам нужен высокий мужчина с длинными волосами, похожий на Мурата Насырова... Кто-кто! Не знаешь, что ли? Певец такой был. Песню пел про то, как мальчик хочет в Тамбов. Ничего-то вы, молодежь, не знаете.

Начальник убойного отдела закончил разговор, взял лист с портретом подозреваемого, а потом обернулся к Кристине:

– А у вас, девушка, определенно есть талант. Так что если ничего в жизни складываться не будет, что для талантов – обычное явление, то милости прошу к нам в отдел полиции. Спокойной жизни не обещаю, но зато не одна зараза вас

пальцем не тронет.

У него зазвонил мобильный. Гончаров посмотрел на номер вызывающего и ответил.

– Ты почему еще не в машине? Как-как? Двух простых слов запомнить не можешь. Так запиши, коли память дырявая: «Жуда мазали».

Майор посмотрел на Павла:

– Мы с девушкой сейчас в отдел заскочим – составим фоторобот и раздадим всем патрульным экипажам и участковым. Хотя, может быть, и сами уже сегодня будем знать, кто этот гад.

Кристина поднялась, взглянула на Ипатьева, собираясь что-то сказать, но промолчала.

– Это ненадолго, – пообещал ей Гончаров, – а потом я вас лично доставлю куда скажете.

Павел открыл входную дверь, выпустил Кристину и посмотрел на начальника убойного отдела:

– Сколько уже служите, майор?

– Можно на «ты» и по имени, – начальник убойного протянул руку, – зовут меня Игорь, а служу я восемнадцать лет.

Павел выглянул в окно, смотрел, как Гончаров с Кристиной проходят через дворик. Подождал немного, а потом взял со столешницы старого буфета ключи от машины и вышел из квартиры. Он знал теперь, куда ехать, а потому спешил.

Глава пятая

Утром его разбудил телефонный звонок. Павел схватил мобильный, но звук шел с другого аппарата. Наконец Ипатьев понял, что кто-то звонит на старый городской номер, которым современные люди уже не пользуются. Он подбежал к хрипящему от натуги аппарату, снял трубку и сам прохрипел спросонья:

– Слушаю вас внимательно.

– Павлик, – прилетел знакомый и неузнанный голос, – это Елизавета Григорьевна – директор школы. Мы все в шоке. Горе для всех нас: и для педагогического коллектива, для учеников, для всех... Страшное горе... Мы вчера отправили сообщение на сайт вашей программы – так что дублировать его я сейчас не буду.

– Продублируйте, – попросил Ипатьев, – туда много что приходит, и все просмотреть я просто не успеваю.

– Так мы решили... то есть так решило городское управление образования, что мы организуем похороны... Ведь она была заслуженным учителем, а вы – единственный ее близкий родственник, который к тому же уважаемый и занятой человек. Так что не надо обращаться ни в какое агентство ритуальных услуг – обдерут как липку.

– А куда я должен обращаться?

– Никуда. Мы сами обратимся куда надо и сами все сде-

лаем. Мы все знаем, на каком кладбище ваш дедушка лежит, даже номер участка проверили, все сделаем – вы не волнуйтесь...

– Спасибо, – сказал Ипатьев, – от меня что-то требуется...

– Ничего пока. И денег не требуется, мы уже сами сбор объявили, а потом городское управление сказало, что они из бюджетных средств...

Зазвонил мобильный.

– Это у вас телефон? – спросила Елизавета Григорьевна.

– У меня.

– Тогда не буду отвлекать. Еще раз наши соболезнования.

На мобильный звонил начальник убойного отдела РУВД Гончаров.

И он сразу, не поздоровавшись даже, приступил к делу.

– Поторопились вы к зрителям обратиться, теперь мы завалены звонками и сообщениями. Все что-то видели, кого-то подозревают. Все нам, а может, именно вам хотят помочь.

– Я уже и сам жалею, – признался Павел, – в редакцию звонят, сайт наш завален. К сожалению, ничего толком не сообщают. То есть говорят о каких-то людях: мне даже кажется, что некоторые сдают своих соседей, с которыми не сложились отношения. Сообщают все данные на них и просят разобраться как можно быстрее, чтобы не было других жертв...

– Я чего звоню, – продолжил Гончаров, – вчера мой сотрудник подъехал к этому самому «Жуда мазали». Загля-

нул внутрь, говорит, вполне приличное заведение. Выпил кофейку... Потом вернулся в машину и начал наблюдать. Тот тип так и не появился. Тогда мой сотрудник сменил тактику. Вернулся в кафе, подозвал официантку, показал служебное удостоверение и спросил, не обижает ли их Рустам. Пообещал, что если хозяин будет обращаться с официантками без должного уважения, то будут приняты меры. Надо сказать, что Сережка парень фактурный – высокий, симпатичный и очень обаятельный. Короче, завязалось знакомство, и Сергей поинтересовался: не приходил ли сюда парень восточного типа – похожий на певца Насырова с предложениями продать награды: ордена и медали. И девочка сообщила, что зовут того Олжас и он был сегодня, но недолго и уже уехал. Буквально на несколько минут заскочил и ушел как раз перед тем, как мой Серега появился там в первый раз. Чтобы не терять времени, он решил поговорить с Рустамом, но тот сказал, что ничего не знает, никакого Олжаса и вообще. Пришлось вызвать группу, выгнать посетителей и пообещать, что кафе будет закрыто из-за проверки финансовой деятельности и санитарного состояния. После этого Рустам признался, что Олжаса он знает, но не очень хорошо, ему известно, что тот гражданин Казахстана и мама у него русская. Адрес Олжаса ему неизвестен, но у него есть его мобильный телефон...

– Так взяли его? – тихо спросил Павел, чувствуя, как бьется сердце.

– Тут такое дело... – замылся Гончаров, – адрес мы вычислили. Отправили группу захвата. Позвонили в дверь, но никто не открывает... В квартире тишина. Свет в окнах горит, но вроде никого. Выбили дверь и обнаружили этого Олжаса застреленным. Провели обыск, обнаружили массу предметов, находящихся в розыске: все они были украдены и взяты из разных квартир при кражах и разбойных нападениях. Вот такое дело. Креста Грюнвальда не обнаружили. Но были другие награды, владельцы которых нам известны. То есть этот Олжас – самый настоящий грабитель и убийца. Действовал он давно и, видимо, не один, вот только подельников его мы сейчас вычислить не можем.

– А кто его убил?

– Знать бы... Опрашивали соседей, да и сейчас там работа идет – из ближайших домов тоже пришли показания давать. Но пока никто ничего не знает и ничего не видел. И камер нет ни в подъезде, ни во дворе.

– Будем надеяться, что все прояснится, – сказал Павел.

– Главное, что преступник уже понес заслуженное наказание, – ответил Гончаров, – меня уже вызвали в прокуратуру дать объяснения моим несогласованным действиям. Но еще одна неприятность, – вздохнул Гончаров, – кто-то из соседей этого Олжаса, по всей видимости, успел звякнуть в твою программу, потому что не прошло и получаса, как примчались твои орлы с камерами. Попроси их, чтобы пока не пускали материал в эфир.

– Конечно, если надо, – пообещал Ипатьев.

– И еще. – Гончаров замолчал, словно раздумывал, говорить или не говорить. – Мы обыскали всю квартиру, но не нашли его мобильный аппарат. И вообще, мне кажется... Не кажется даже, а я уверен, что в квартире твоей бабушки был не один человек, потому что бабушку и маму... прости, что я с подробностями, убили разными предметами... Бабушку ударили заточкой, а маму ножом с широким лезвием...

– И что теперь? – выдохнул Павел. – Второго, если он есть, конечно, уже не найти?

– Найдем, – произнес уверенно Гончаров, но уверенность эта показалась Павлу наигранной, – найдем, разумеется, только побегать придется. Он сейчас начнет прятаться, ведь теперь на нем и убийство подельника. Видно, поссорились, когда награбленное делили, вот он и пристрелил приятеля. Выстрелил в упор, видимо, не колебался вовсе. Хотя чего там делить. Скорее всего, убил, чтобы подельник не сдал: ведь дело вон какой оборот приняло. Они и подумать не могли, что преступление таким резонансным окажется. У нас весной начальника департамента мэрии застрелили, и никто даже не удивился – значит, было за что. Но я...

– Можно без лирических отступлений, – попросил Ипатьев, – Олжаса убили, но ведь должны остаться какие-то следы: гильза, например, отпечатки пальцев, кто-то что-то видел.

– Гильзу мы не нашли, но пулю обследовали, и специали-

сты сказали, что этого пистолета в нашей базе нет, то есть из него еще никого не убивали. А еще один наш спец заявил с большой степенью вероятности, что пуля эта немецкая и предположительно от стандартного патрона девять на восемнадцать для пистолета парабеллум. А может быть, и от вальтера.

– Почему он так решил? – удивился Павел. – Ведь это стандартные патроны для нашего ПМ. А не мог кто-то из сотрудников правоохранительных органов застрелить его при задержании?

Майор кивнул.

– Это ты про то мое обещание? – спросил он. – Это не я, разумеется, сделал. Если, конечно, я не вставил в обойму своего ПМ немецкие патроны. А они точно немецкие и старые. Но это он предположил по пуле, была бы гильза, сказал бы точно.

– То есть это не обязательно вальтер или парабеллум?

– Нет, конечно. Даже наш эксперт сказал, что может быть и другой пистолет. Это два очень похожих пистолета с одинаковой длиной ствола, хотя есть серия вальтеров, у которых ствол на пять сантиметров короче... Та модель и легче на сто с лишним граммов. Эти пистолеты делались по заказу главного управления имперской безопасности, то есть для СС и гестапо. Такой пистолет хорош для ношения в кармане, удобнее даже, чем наш «макаров». Да и звук выстрела у него тише, хотя последнее мне непонятно, ведь патрон один

и тот же. Но спец наш уперся – вальтер, и все тут. Но он старенький у нас – с причудами, как говорится, старичок... И романтик... Так что... В общем, я доложил тебе, как и что. А сейчас в прокуратуру полечу, а потом меня и Следственный комитет, мягко говоря, пропесочит за то, что у них под ногами путаюсь.

– Погодите, – попытался остановить собеседника Павел, понимая, что тот сворачивает разговор, – а жильцы дома ничего не видели и не слышали, ведь в казаха стреляли без глушителя...

– Практически ничего. Рабочий день, лето. Кто на дачах, кто на работе. Окна открыты, а потому выстрела никто не слышал, то есть если кто-то и слышал звук, похожий на выстрел, то не придал этому значения. Но одна бабка сказала, что выносила мусор к мусоропроводу и видела, как она выразилась, чужака, который нес на плече коробку от телевизора, а может, и не от телевизора, но ношей своей он прикрывал лицо. Помнит только, что тот был в кроссовках.

– А как же она догадалась, что он не из тех, кто в доме проживает? – спросил Павел.

– Она и сама это объяснить не может. Но у нас сейчас половина свидетелей таких: всем кажется, что видели кого-то, кого описать не могут. А когда жильцы увидели ваш микроавтобус со съемочной группой, все выскочили и всю работу мне завалили... Как-то так... Если у тебя нет ко мне вопросов, то я откланиваюсь. Появятся новости, я позвоню.

Разговор закончился, Павел посмотрел на часы и удивился – было почти десять утра, то есть рабочий день уже начался, а он проснулся так поздно и спал бы дальше, если бы не телефонные звонки. Вчера, правда, он вспомнил, что большая бутылка «Хеннесси», принесенная накануне Инной, была выпита не полностью: там оставалось еще граммов двести, и он вылил их в стакан, который залпом осушил в два глотка. Но не мог же он так вырубиться, чтобы проспять работу.

Павел засыпал зерна в кофемашину, позвонил в редакцию и предупредил, чтобы ничего не монтировали без него, особенно материал со вчерашнего выезда в квартиру, где нашли труп гражданина Казахстана.

– Мы и не собирались, – сообщил Толя Медведев, заместитель Ипатьева, – дело в том, что мы нашли свидетеля.

– Вы нашли человека, который видел убийцу? – тихо, словно кто-то мог его слышать, спросил Павел.

– Нет, свидетель не видел убийцу, но предполагает, кто это мог сделать. Свидетель отказался общаться с полицией, потому что он не совсем законопослушный гражданин. Нам признался, что употребляет травку, но не считает себя наркозависимым, однако в свое время отбывал срок по двести двадцать восьмой, части первой...

– Приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта. Ну и...

– Получил он тогда полтора года, – продолжил Медведев, – отбывал в Андриаполе... Это в Тверской области. Так

вот у них там был осужденный с погонялом Бирка. Фамилию того осужденного он точно не помнит, говорит, что или Бирюля, или Бирюлев, может, Беруллин... шестерка не шестерка, но быковать пытался, однако его там быстро на место поставили... А теперь наш информатор, который проживает в соседнем доме, встречал его несколько раз во дворе. Когда столкнулись в первый раз, Бирка сделал вид, что его не узнал, а потом сказал, что идет к приятелю. А потом уже наш видел его в компании того казаха, которого вчера застрелили. И еще он подтвердил, что может много чего сказать, выложить в доверительной беседе, но только Ипатьеву лично, и чтобы его по телику показали, чтобы все знали, что он с Ипатьевым вась-вась. Хотя я не знаю, что он может сказать такого, чтобы...

– У Олжаса был автомобиль. Полиция нашла его?

– Не думаю, что они искали. Тело нашли, зачем им тогда машина? И вряд ли он стал бы покупать здесь автомобиль на свое имя, когда можно было пользоваться чужим... Но у меня есть телефон, и я сейчас свяжусь с ним...

Он не договорил, а на мониторе телефона появилось сообщение, что с Павлом пытается связаться абонент Снежко.

Ипатьев ответил и услышал негодующий крик Инны:

– Сколько можно болтать по телефону? – И, не давая ответить, продолжила: – Связался ты на свою голову с Гончаровым, а ведь я предупреждала тебя. Ты в курсе, что он уже застрелил одного из тех, кто напал на квартиру твоей бабуш-

ки?

– А их было несколько?

– Не знаю, но сегодня Гончарова вызвали в управление и официально приказали не лезть в это дело. Так и сказали ему, что никакого приказа о неполном служебном соответствии не будет – попрут из органов сразу. Пусть потом охраняет универсамы и сумки покупателей проверяет. Что он, первый такой!

– Ты зачем мне звонишь?

– Ну как зачем: я тут обдумываю твоё предложение, – вздохнула бывшая сокурсница.

– Какое? – притворно удивился Павел. – Ты мне говорила о каком-то моем предложении, но я не помню. Может, и предлагал, конечно, что-то, спорить не буду. Но в той ситуации, в которой мы оказались. Да, мне кажется, что я опьянел странным образом – вероятно, коньяк несвежим оказался. Сколько он в твоём шкафу простоял с тех пор, как генерал Корнеев забыл его у тебя?

– Сволочь ты, однако, – не выдержала Инна.

И тут же пошли гудки.

Павел нажал кнопку кофемашины, чтобы наполнить чашку. И снова позвонил Медведев.

– Знает этот тип, где машина Олжаса. Только эта машина принадлежит не казаху, а тому самому Бирке. Это старый «БМВ» серого цвета. Наш информатор готов будет при встрече сообщить тебе, где Биркина машина стоит, но я ска-

зал, что ты подъедешь прямо к машине, и возле нее он тогда сможет дать интервью на камеру.

– Адрес назвал?

– Назвал и сказал, что будет ждать тебя там.

Глава шестая

Майор Гончаров подъехал к зданию РУВД, хотел въехать во двор, но прилетел звонок от Ипатьева.

– Новости какие-нибудь есть? – сразу поинтересовался Павел.

– Все, что знал, сообщил утром, могу добавить только, что меня сняли с пробега. Под угрозой увольнения приказали этим делом больше не заниматься.

– Про второго ничего не узнали?

– Пока никакой информации...

– Тогда я вам скажу, что погоняло у него Бирка. Сидел в Андриаполе. Олжас приобрел старый «БМВ» и оформил на него.

– Тверская область, поселок Костюшкино. Лечебно-исправительное учреждение номер восемь, – уточнил Гончаров, – я сейчас свяжусь с тамошним руководством и узнаю фамилию этого Бирки. А это уже полдела. А у тебя откуда такая ценная информация?

– Вчера, когда вы искали свидетелей, к моей группе подошел бывший сиделец, который в колонии познакомился с этим Биркой, а недавно видел его здесь. Мы договорились встретиться, он должен был мне показать, где стоит автомобиль. Он рядом с этим «БМВ» мне встречу назначил. Но я не смог из-за работы. Встречу перенесли на завтра.

– Называй адрес.

– Так это в сотне метров от дома, где снимал квартиру казах. Во дворе универсама тара в кучу свалена, мусорные контейнеры стоят. Он так мне говорил.

– И ты молчал!

На этом разговор прервался. Было понятно, что Гончаров спешил выполнить свою работу, несмотря на запрет начальства.

Ипатьев сидел в своем кабинете под разорванным плакатом и пытался заниматься делами, но получалось плохо, и даже не потому, что дел накопилось много и голова была забита совсем другими мыслями, раздражало еще и то, что сотрудники носились по помещениям с выражением радостного возбуждения на лицах. Еще бы – возрождение популярной некогда программы превзошло все ожидания. И дело не в высочайшем рейтинге, который был и прежде, а в том, что и город менялся во время трансляции обычной, казалось бы, криминальной хроники: тихо становилось на улицах, замедлялось движение транспорта, в квартирах прекращались споры и скандалы. И теперь радостные сотрудники, переполняемые чувством сопричастности к этой победе, словно специально попадались ему на глаза. Попадались и пытались изобразить сочувствие. Первым не выдержал Толя Медведев; он подошел и предложил начальнику отдохнуть.

Заглянул в глаза и добавил, что может и сам его доставить до дома. Павел едва сдержался, чтобы не ответить гру-

бо, ведь все они знают, что он пришел сюда только после обеденного перерыва и сидит просто так, изображая присутствие, а не работу. Ипатьев сдержался, кивнул, но потом начал трясти головой, как будто согласился, а потом передумал.

Анатолий наклонился к нему.

– Как себя чувствуешь?

Павел снова кивнул. Тогда Медведев коснулся ладонью его лба.

– Паша, ты горишь весь. У тебя температура высокая.

Прошкина отправилась на поиски термометра. Откуда-то появился Рахимов и стал предлагать место в информационной утренней программе.

– То есть у тебя будет три выпуска в сутки, – сказал он, – только как-то надо с рекламой договариваться в утренние часы... Утро, как ты понимаешь, время самого активного просмотра, и это время самое дорогое: ведь праймтайм – это не просто термин: с точки зрения хронобиологии – время, когда информация доходит до сознания зрительской аудитории лучше всего...

Анатолий коснулся рукава генерального директора и шепнул:

– Паша, судя по всему, заболел.

Тут же появилась Леночка Прошкина с термометром. В присутствии Рахимова измерили температуру.

– Тридцать восемь и пять, – испугалась Леночка.

– Ребята, – попытался оправдаться Ипатов, – у меня ничего не болит, только голова ничего не воспринимает.

– У меня было подобное двадцать лет назад, – вспомнил Медведев, – когда мы перекрывали вход в Панкисское ущелье. Мой первый бой, мой первый враг, которого я уложил. Все вроде нормально, а потом где-то через часок как шандарахнуло по мозгам. Ну и температура подскочила. Комроты из своей фляги накапал мне в раздвижной пластмассовый стаканчик граммов сто пятьдесят водки или спирта. Я же тогда вообще не пил: мне и девятнадцати лет не было. Положили меня в шатер, и часа через три проснулся – ни температуры и ничего вообще, свеж был как огурчик. Ребята песни пели под гитару. И я с ними тоже... А потом почти два месяца с небольшими перерывами бои шли, и ничего такого со мной больше не происходило.

– Но сейчас же не война, – прошептала Леночка.

– Так чего прислать? – негромко спросил Алексей Юрьевич. – Насчет водки не уверен, что есть, но коньяки и виски в наличии.

И, не дожидаясь ответа, тут же позвонил своей секретарше и приказал принести бутылку Remy Martin.

Медведев пить не стал, отговорившись, что он на работе, Рахимов выпил одну рюмочку, еще одну заставили выпить Прошкину, которая махала руками, отказываясь, но, когда ей сказали, что это за здоровье Павла Валентиновича, выпила залпом, закусила черешенкой и заплакала.

Очнулся Павел от звуков работающих двигателей отъезжающих автомобилей. Окно в кабинете было открыто, а как раз под ним располагалась парковка. Он скинул с себя дырявый клетчатый плед, поднялся с дивана. Подошел к окну и посмотрел вниз: автомобилей было немного, а значит, времени около семи вечера.

Взял со стола свой мобильный и включил его, посмотрел список пропущенных звонков. Дважды к нему пытался пробиться майор Гончаров, и потому Павел сразу набрал его номер.

– Прости, – сказал Ипатьев, – что-то у меня с нервами: не понимаю, что происходит со мной. Сотрудники уложили на диван, и только сейчас пришел в себя.

– Я просто хотел сообщить, как отработал по твоей наводке. А еще за пару часов до твоего звонка с номера, который, если верить ресторатору Рустаму, принадлежал убитому казаху, аппарат которого мы так и не нашли, неизвестному абоненту было отправлено сообщение следующего содержания. «Я оставил бабло под задним сиденьем, где аккумулятор». Так что тебе, Паша, крупно повезло: если бы ты возле «БМВ» встретился со своим информатором и в этот момент туда подошел Бирка, фамилия которого Берков, то могло бы все плохо кончиться для тебя.

– Но вы взяли его?

– Не успели. Подъехали, открыли машину и увидели труп на заднем сиденье. Берков был застрелен выстрелом в заты-

лок с близкого расстояния. Он, видимо, поднял сиденье, чтобы забрать деньги, о которых говорилось в эсэмэске, и тут в него выстрелили. Никаких денег мы не нашли. Может, их убийца забрал, а может, их там и не было. Я сообщил о трупе в Следственный комитет. Думаю, что они сейчас проводят обыск по его местожительству.

– Так что же получается, – удивился Ипатьев, – есть еще и третий?

– Думаю, что есть. При Беркове не было пистолета, не найдут его и дома. Пистолет у третьего, и я так думаю, что это тот самый ээсовский вальтер, хотя может быть, это обычный немецкий пистолет времен войны. Заключение экспертов мне, естественно, не покажут, но я смогу узнать и так. Плохо только, что меня заставили объяснительную писать, каким образом я там оказался. Придется врать, что информация получена из оперативных источников, от моего агента, имя которого, согласно закону «Об оперативно-разыскной деятельности», я могу не раскрывать.

– Не надо упираться, скажи, что я тебе сообщил. Так что все вопросы ко мне, а я расскажу, как в мою программу обратился местный житель и так далее.

– Так и сделаем. Только мне непонятно, чего испугался третий, если начал убирать своих подельников. Возможно, у них целая банда, и главарь не хотел, чтобы вышли на всех. Но если у них банда, то что же они забыли в квартире, в которой нечего было брать? А может, кто-то зачищает за собой: типа

чистильщик, как в американских фильмах? Смешно! Что же они искали в твоей квартире? Но ничего, разберемся.

– Но тебе вроде приказывали не заниматься этим делом.

– Приказали, и не вроде. Только что позвонили и в очередной раз предупредили, что буду уволен за невыполнение приказов начальства. А я в ответ попросил напомнить мне текст присяги полицейского и, когда услышал, что все это дешевая демагогия, сказал, что для меня присяга не демагогия, а руководство к действию, и зачитал им текст, который знаю наизусть. Клянусь уважать и защищать права и свободы человека и гражданина, свято соблюдать Конституцию Российской Федерации и федеральные законы. Быть мужественным, честным и бдительным, не щадить своих сил в борьбе с преступностью. После чего сказал, что в присяге нет ни одного слова о начальстве...

– И что теперь? Тебя уволят?

– Нет, потому что мой непосредственный начальник на моей стороне. Скорее всего, меня повысят, поставят на должность заместителя начальника РУВД по уголовному розыску, чтобы я лично не занимался расследованиями.

– Подполковника присвоят, – подсказал Ипатьев.

– Ты прямо как моя жена, которая не признавала звания ниже полковника, – рассмеялся Гончаров. – Как-то я проговорился, что отправили представление на подполковника, она сказала, что это хоть что-то. А кадры не пропустили, потому что у меня был тогда не снятый выговор. Как и сейчас,

впрочем.

– А где сейчас жена?

– Не знаю. Она вроде от меня сбежала⁵. Надеюсь, что навсегда, потому что прихватила из дома все, что смогла вынести. Зато я сейчас один, никого не жду, могу расслабиться, делать все что хочу и приготовить себе что угодно, хоть пельмени, хоть макароны.

– А жена что готовила?

– Ничего. По молодости, правда, что-то делала. А потом заказывала суши, роллы, ризотто, фокаччу...

– Что?

– Фокачча – это лепешка такая. Но я домой только спать приходил, а если есть хотелось, то я себе нарублю картошки с луком, вывалю на сковородку и жарю...

– Никакая фокачча рядом не стояла, – согласился Павел. Он обернулся и увидел Леночку.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она дрожащим от сочувствия голосом.

– Отлично. – И произнес в трубку: – Удачи тебе, Игорь. И потом посмотрел на Прошкину.

– Почему домой не поехала, ведь твой рабочий день закончился?

– А вдруг вы проснетесь и чего-нибудь захотите. – Тут она вспомнила: – Вы хотите фокаччу? Я могу сбежать и принести: тут неподалеку итальянский ресторан.

⁵ Екатерина Островская. «Девушка вне всяких подозрений».

– Не надо никуда бегать... – он увидел ее глаза, – мы сейчас пойдем туда вместе и поужинаем. И вообще макароны – моя любимая еда. Как и пельмени. Что удивительно: и то, и то нас научили есть итальянцы.

– Пельмени? – удивилась девушка.

– Конечно, Марко Поло привез из Китая рецепт приготовления, хотя в Средней Азии, на Кавказе, на Урале их готовили еще до Марко Поло.

– Какой вы умный, – восхитилась Леночка.

Глава седьмая

– Павел Валентинович, – спросила Прошкина в щелочку приоткрытой двери, – вы кушать будете?

– Нет, обычно я не завтракаю, – ответил Ипатьев.

То, что Леночка провела ночь в его квартире – плохо, конечно, но никакой глупости Павел не совершил. После итальянского ресторана он решил подвезти Прошкину до станции метро, и его остановил инспектор ГИБДД. Он даже не стал требовать документов, поздоровался, отдал честь, а потом наклонился и посмотрел на Леночку.

– Девушка, а у вас есть водительское удостоверение?

– Права? – переспросила Прошкина и быстро кивнула: – Имеются.

– Тогда поменяйтесь местами с водителем и доставьте его домой в целости и сохранности.

Ипатьев спорить не стал: как-никак он выпил бутылку сухого «барбареско». Прошкина лишь пригубила...

Он не был пьяным, а потому ничего такого не было. Добрались до дома без приключений. Пили чай с привезенными из ресторана вафельными трубочками канноли. А потом разошлись по разным комнатам. За чаем, правда, Ипатьева пробило на откровенность, и он рассказал, что рос без отца, потому что тот, решив купить для семьи собственную квартиру, рванул на Чукотку в Билибино, где трудился горным

мастером на золотом прииске. Оттуда он не вернулся, очевидно, нашел там новую любовь, потому что очень скоро развелся, писем не присылал, но алименты платил исправно...

И теперь, утром, Павел не мог понять, зачем он рассказал это Прошкиной, потому что даже близкие друзья об этом не знали. Правда, близких друзей было немного, можно сказать, их совсем не было – разве что Володя Высоковский. Но и с ним они виделись редко, хотя до Володькиного дома всего-то метров двести...

Завтрак она все-таки приготовила. Гречневая каша с рублеными бифштексами.

– Когда ты это все успела? – удивился Ипатьев, усаживаясь за стол.

– Каша сама сварилась, а котлеты я нашла в морозилке.

Девушка смотрела на него так, словно пыталась сообщить что-то важное, но не решалась. Потом осмелела и спросила быстро, но так тихо, словно в этот самый момент проглотила свою смелость:

– Можно мне на работу поехать?

– Вместе поедem, – ответил он.

– А я уже позвонила Анатолию Максимовичу и сказала, что вам надо отлежаться.

Ипатьев хотел сказать что-то очень жесткое, потому что только он решает, что ему делать и как поступать в тот или иной момент, но неожиданно даже для самого себя согласился.

– Ладно, пока это ваша программа: вы ее готовите без меня, так что делайте что хотите, а мне надо закончить одно дело.

Он сам вызвал такси. И вышел, чтобы усадить ее в машину.

– Спасибо, – прошептала Леночка, и непонятно было, за что она благодарила его: то ли за то, что вызвал такси, то ли за то, что не воспользовался обстоятельствами.

Он вернулся в квартиру и стал ждать звонка, не сомневаясь, что с ним свяжется Гончаров, но прилетел звонок с неизвестного номера.

– С вами говорит следователь по особо важным делам управления Следственного комитета подполковник юстиции Егоров. У нас просьба лично к вам: не надо беспокоить наших сотрудников в процессе расследования. А то вчера звонили ваши сотрудники и настойчиво пытались узнать результаты расследования. Когда у нас будут какие-то результаты, то мы сами сообщим и сможем дать интервью вашей передаче. А они будут обязательно.

– А сейчас результатов никаких нет?

Подполковник юстиции замолчал, но было слышно, как он пыхтит в трубку.

– Вы там что – курите? – поинтересовался Ипатьев.

– Я некурящий, – ответил Егоров, – просто думаю, можно ли вам сообщать. Результаты определенные есть.

– Так вы сами сказали, что когда будут какие-то резуль-

таты, то вы готовы дать интервью. Но я не прошу интервью, я просто хочу знать, сдвинулось ли расследование. Мне известно, что трупы двух грабителей обнаружили полицейские...

– Полицейские только мешают, – тут же нашелся подполковник юстиции, – мы уже готовились задержать этих преступников, а некий майор, возомнивший себя Шерлоком Холмсом или этим... как его – Глебом Жегловым...

– Но обыски в их квартирах проводили вы: нашли что-нибудь из списка украденных вещей, что я предоставил?

Егоров снова начал пыхтеть и наконец произнес скороговоркой:

– Это оперативная информация, и я не могу ее раскрывать.

– То есть мне не дано право знать, нашлись ли мои вещи или вещи, принадлежащие моим родственникам.

Подполковник юстиции глубоко вздохнул.

– Нашлось немало ценных вещей, пропавших из других квартир... Мы сейчас выясняем, есть ли среди них ваши.

– То есть компьютер, который я подарил матери, старенькая офицерская бекеша, которая хранилась в память о дедушке, награды... Я понимаю, что золото, даже такое копеечное, как бабушкино или мамино, улетает мгновенно. Но кому нужен офицерский полушубок восьмидесятилетней давности с защитой на левом рукаве дыркой от немецкой пули?

– Его не нашли, – быстро ответил Егоров и еще быстрее продолжил: – А найдем, сразу сообщим, я позвонил сейчас просто попросить, чтобы ваши сотрудники...

Павел не стал дослушивать, сбросил вызов.

Но вежливый следователь тут же перезвонил.

– Что-то со связью, – объяснил он, – я сейчас скажу кое-что, но только вам, а не для ваших сотрудников. Хочу сообщить, что мы на верном пути. В деле о разбойном нападении на квартиру вашей бабушки и об убийстве появился третий участник, личность которого мы установим в самое ближайшее время, и тогда дело будет полностью раскрыто.

– А мобильный аппарат Олжаса ведь у вас находится?

– А почему вы интересуетесь? – удивился следователь Егоров. – Аппарата его у нас нет, но есть возможность контролировать звонки и устанавливать точки на местности, откуда эти звонки осуществляются. Так что не переживайте: найдем. Главное, что...

Дальше Ипатьев слушать не стал, а подполковник юстиции уже не перезвонил. Павел еще раз посмотрел на часы, зная, что все-таки надо лететь в редакцию, но желания работать не имелось вовсе, и на душе было мутно. Он подошел к окну, лег грудью на подоконник и посмотрел вниз. Там был потрескавшийся асфальт, и ничего более. Земля казалась такой близкой, что захотелось встать на подоконник и спрыгнуть. И вдруг он вспомнил слова следователя Порфирия Петровича из романа Достоевского, который говорил о

том, что иногда нестерпимо хочется в окошко прыгнуть или с колокольни сигануть. Выпрямился, шагнул назад и на всякий случай прикрыл окно. Потом, лишь для того чтобы отвлечься, взял телефон и набрал номер. Медведев отозвался сразу.

– У нас все нормально.

– Толя, Лена добралась? – поинтересовался Ипатьев. – Вчера она меня до дома в лучшем виде доставила, а утром приготовила завтрак. Но если ты думаешь, что между нами что-то было, то...

– Я не думаю, я знаю, – не дал ему договорить Медведев, – ничего не было и быть не могло. А если и случилось бы, то тогда не только я, но и другие ребята нашей роты тебя бы на кусочки порвали: Лена – дочка нашего командира. Когда он погиб, ей едва год исполнился. Тогда мы все и дали клятву не оставлять ни вдову, ни дочку. Разве ты не знаешь, что какие-то люди чуть наш журфак по кирпичику не разнесли, когда Леночке сказали, что она не прошла творческий конкурс. А потом она лучшей студенткой стала. И когда узнала, что программа снова будет выходить, упростила меня взять ее на любую должность, даже на заочный перевелась. Я в отказ, но за нее попросила мама, и я сдался. Так что я тебя предупредил – не говори потом, что не знал...

– Да я и не собирался, – попытался оправдываться Павел, – и в мыслях не было. – Он смутился, но тут же придумал предмет для беседы, ради которого будто бы и позво-

нил: – У меня к тебе просьба. Не просьба даже, а указание. Мы продолжаем вести тему о том, что произошло с моими бабушкой и мамой. Расскажем о том, что двое предполагаемых участников нападения уже застрелены. На свободе остался еще один... А возможно, это целая банда вроде «Черной кошки». Короче, из выпуска в выпуск возвращаемся к этой теме.

– То есть наша программа будет работать как телевизионный детективный сериал, – догадался Анатолий, – чтобы зрители каждый день ждали продолжения расследования. И сами могли влиять на сюжет, помогая телевизионному следствию.

– Именно так. Появятся в нашем распоряжении приметы преступника – сообщим, выясним приблизительный ареал обитания – тоже доведем до сведения зрителей. Будем отслеживать каждый его шаг. Предупредим, разумеется, зрителей, что преступник вооружен и очень опасен.

– А кого это когда-то останавливало? – разошелся Медведев. – Разве что полиция или Следственный комитет будут требовать прекратить раскручивать это дело.

– Нам запретить никто не может: мы же не выдаем сведения, содержащие государственную тайну, не вносим вражду между отдельными группами населения, не призываем к противоправным действиям... Трудно, конечно, заранее составить приблизительный сценарий, но я постараюсь: свяжусь с теми, кто непосредственно занимается расследовани-

ем. Начну с самого начала: как ко мне подошла бывшая ученица моей мамы и сообщила, что видела подозрительного мужчину возле нашего дома... Прямо сейчас и начну.

Закончив разговор со своим заместителем, Ипатьев позвонил Кристине Тарасовой. Она ответила не сразу, а потом начала шептать в трубку:

– Я сейчас не могу. Я на работе. Нам запрещено во время работы разговаривать.

– Тогда спрячьтесь в туалете и наберите мой номер.

– Я уже там, – шепнула девушка, – какой у вас вопрос?

– Где-нибудь неподалеку от моего... то есть от маминого дома или от вашего есть какая-нибудь контора, скупающая золото и другие ценные вещи? А то я-то долгое время жил в другом районе и не знаю, что здесь сейчас и где.

– Есть ломбард в подвальчике соседнего с моим дома, – сообщила девушка. – Я туда в прошлом году сережки сдавала: на руки дали меньше, чем я рассчитывала, а потом еще и возвращать не хотели, сказали, что мне надо заплатить за хранение и еще за просрочку. А никакой просрочки не было, но они заставили.

– Кто они?

– Тетка, которая на приеме сидит, и охранник.

– Адрес называй.

Он шел по знакомой улочке – не улочке даже, проулочку между домами, с узкими тротуарчиками и узкой проезжей

частью, на которой два автомобиля с трудом могли бы разъехаться, а вот два грузовика – вряд ли. Подошел к бывшей булочной, теперь здесь был совсем другой магазинчик. Над дверью была надпись: «Крутой секонд-хенд». А на двери над расписанием работы стояла еще одна гордая надпись: «Все вещи брендовые и фирменные». Павел заходить не стал, посмотрел на свое отражение в витрине и остался доволен. Козырек бейсболки и солнечные очки наполовину скрывали его лицо, и узнать в нем ведущего популярной телевизионной программы было бы трудно. И он пошел дальше.

Ломбард располагался в полуподвальном помещении. Ипатьев спустился туда, посмотрел на сидящего на стуле при входе охранника в черной униформе и начал рассматривать надписи на стенах. Из-за перегородки из грязного оргстекла его самого разглядывала восточная красавица лет сорока пяти. На шее приемщицы было несколько золотых цепочек, в ушах – крупные серьги.

– Э-э, – не выдержала женщина, склоняя голову к окошку, – ты чего стоишь здесь?

– Олжаса жду, – ответил Павел, – он сказал, что будет здесь в двенадцать.

– Какой такой Олжас? – изобразила недоумение приемщица. – Ты это... Давай говори, зачем пришел, или проваливай давай. Ходят тут...

Охранник начал подниматься, но Павел махнул рукой, успокаивая и показывая, что он не случайный человек в ми-

ре ломбардов и скупок.

– Он сказал, что тут есть кое-что интересное для меня.

– Здесь все интересное, – произнес охранник, демонстрируя, что и он здесь не просто так, – что вас конкретно интересует?

– Да, – сказала приемщица, – говорите что, и не надо стоять здесь туда-сюда, а то у меня голова скоро закружится.

– Да я лучше Олжаса дождусь. Мы с ним договорились.

– Тогда жди его на улице! – возмутилась женщина.

– Хорошо, – согласился Ипатьев, – я у него покупаю награды. Он мне недавно сказал, что у него есть. Он даже Рустаму в «Жуда мазали» приносил, но тому не подошли...

– Ты знаешь Рустама? – удивилась приемщица.

– Так я всех знаю. И Рустама, и Олжаса. Олжас мне много чего приносит.

– Олжас – хороший человек, – согласилась приемщица. – Но он мне ничего не приносит, он, наоборот, у меня берет... Такой человек – он никогда не торгуется, сколько скажешь ему, столько и дает.

При этих словах охранник усмехнулся и отвернулся в сторону.

– Не надо мне этих ваших восточных сказок! – возмутился Ипатьев. – Он жадный, как жаба. И всегда хочет обмануть.

– Зачем так говоришь? – вздохнула женщина и покосилась на охранника.

Павел посмотрел на часы.

– Ладно, уже поздно, ждать не буду. Сегодня много встреч с важными людьми. Покажи, что у вас есть.

– Есть монетки, – сказала приемщица, – они серебряные, но очень старенькие. – Она достала из ящика стола пару монет и положила перед Павлом. – Тут царица и тут царица. Только сегодня принесли.

– Совсем свежие, – подтвердил Павел, взяв в руки екатерининский рубль.

– За два монета, просили за оба десять тысяч долларов, но я договорилась за восемь тысяч...

– Они и пятисот рублей обе не стоят, – сказал Павел. Он бросил монетку на кафельный пол и спросил: – Слышала, какой звук? Стучит, а серебро должно звенеть. Можно взвесить. Должно быть двадцать восемь граммов, а здесь и двадцати нет. А настоящая, то есть не поддельная, такая денежка стоит двадцать тысяч рублей.

– Ой, меня обманули, – притворно заныла женщина.

– Скажи кто, и я верну тебе бабки, – пообещал Ипатьев.

– Да мы сами разберемся, – соврал охранник.

– Награды есть? – спросил Павел. – Только быстрее: мне бежать надо.

– Много, – кивнула внезапно переставшая причитать женщина, – сейчас принесу.

Она вышла в подсобку и вернулась с обувной коробкой с этикеткой «Кроссовки «Адидас» р. 44». Поставила коробку на стол и пригоршней вынула из коробки медали. Это были

юбилейные награды, армейские, «За выслугу лет», «Ветеран труда»...

Ипатьев покачал головой.

– Эти ничего не стоят. Ордена есть? Желательно иностранные.

– Один есть, – негромко произнесла приемщица, – но он очень дорогой. Это немецкий крест. Я его как раз для Олжаса берегла. Он заходил недавно и спрашивал. А потом мне принесли. Я за него много денег отдала. Стала звонить Олжасу, а он не отвечает.

Она снова вышла, а когда вернулась, положила на стойку польский «Крест Грюнвальда». Павел мог бы даже не брать его в руки, он сразу понял, что это дедушкин орден.

– Это я ему заказал этот орден, – сказал Павел, – цена ему пятнадцать тысяч рублей. Олжас попросил сорок. Долго торговались, потом сошлись на двадцатке.

– Нет! – едва не закричала женщина. – Я за него сорок тысяч отдала.

– Значит, тебя обманули. Я прямо сейчас дам за него пятнадцать, а больше тебе никто не предложит. Ты ведь уже показывала его кому-то?

– Никому, я ведь его Олжасу обещала...

Павел обернулся и посмотрел на охранника. Тот подавал приемщице какие-то знаки, но тут же замер и посмотрел в окно под потолком.

– Олжас дал бы за него десять тысяч. Мне бы перепродал

за двадцать. Я предлагаю тебе за него пятнадцать. Выгодная сделка для обоих. Хотя...

– Хорошо, – вздохнула женщина, – пусть будет шестнадцать.

– Шестнадцать, – согласился Ипатьев, – но при условии, что ты скажешь, кто этот орден тебе принес.

Приемщица пожалала плечами и посмотрела на охранника.

– Два торчка притащили, – тут же сказал тот, – видать, на дозу не хватало.

– Просили пару тысяч, но вы дали за него одну.

Охранник спорить не стал, и Павел продолжил:

– Что еще они предлагали?

– Золотишко, там совсем по мелочи, но мы сразу его сдали. Компьютер еще принесли, но мы не знаем, за сколько его можно выставить.

– Если «макбук», то я возьму, – пообещал Ипатьев.

Ему принесли тот самый компьютер, что он подарил маме.

Сердце забилось, но не оттого, что он увидел знакомую вещь, а потому что понял: и Следственный комитет, и полиция ищут не там. Но тогда получается, что ни Олжас, ни Бирка не имеют отношения к убийству бабушки и мамы.

– Это точно, что не Олжас и не Бирка это принесли?

– Не, – замотал головой охранник, – два пацана местных. Я же говорил – нарики. Они уже до этого пару раз заходили...

Компьютер был вычищен и не хранил никакой информа-

ции, но это был тот самый компьютер.

– А чего же вы, если знакомы с Рустамом, отдавали товар не ему, а Олжасу?

Женщина замялась, а потом призналась, что Олжас ей это делать запретил, сказал, что голову оторвет. А с Олжасом она как раз в кафе Рустама познакомилась, сказала, что у нее свой ломбард. И потом он несколько раз приносил ей вещи.

– Приносил все-таки, – сказал Павел, – а я и не сомневался. Короче, беру орден, потом в медалях покопаюсь, там наверняка что-нибудь интересное для меня. Шестнадцать за орден, десятку за компьютер.

– Двенадцать, – восторгалась женщина, – двенадцать, потому что это очень хороший компьютер. Медали возьмешь, тогда скидку сделаю.

– Медали возьму, но не все и потом, – он снова посмотрел на часы, – а сейчас мне бежать надо. Завтра в это же время я подъеду. – Он положил на стол пятитысячную купюру, – а это аванс. Если завтра не будет компьютера и ордена, то головы вам оторву обоим.

Павел шагнул к дверям и заметил, как его внимательно рассматривает охранник, который начал его узнавать.

– Какие-то вопросы ко мне? – спросил он.

– Вопросов нет, – ответил мужчина. – Только один. Мы раньше где-то встречались? А то уж больно лицо знакомое и голос.

Ипатьев посмотрел на него:

– А ты где чалился?

– В Форносово, но это давно было.

– Форносово, – в задумчивости произнес Ипатьев, – исправительная колония номер три: улица Дальняя, дом один. Курорт, одним словом, а не парилка. Я там тоже бывал... А потом и сам грел зону. Понял меня?

– Конечно, уважаемый, все сохраним до завтра, и когда скажете, тоже будем хранить.

– И еще скажи, как звали тех пацанов, что орден принесли.

– Так они и не представлялись. Один вроде Кеша... Нет, один Сева – это точно, а второй, рыжий, конопатый – вроде Стас. Они так обращались друг к другу.

– Не Стас, а Стэн, – поправила приемщица, – рыжий и с веснушками. Им по двадцать пять лет, наверное. Может, меньше, но оба противные. Особенно рыжий. Откуда такие только берутся?

Ипатьев вышел из ломбарда и сразу набрал номер Кристины Тарасовой. Аппарат был выключен, и тогда он отправил эсэмэс-сообщение.

Перезвони, когда сможешь. Меня интересуют двое наркоманов, которые тусуются в нашем микрорайоне. Один – рыжий, конопатый – Стэн, второй, возможно, Сева. Обоим около двадцати пяти лет.

Ответ прилетел также в письменном виде.

Рыжего видела неоднократно, и второго, по всей видимости, тоже. Они часто тусуются в нашем дворе

возле детской площадки. Их всегда гоняют оттуда. Я это вижу в окно. Их может знать моя соседка, которая сидела на траве, а может, и сейчас сидит.

Не прошло и минуты, как прилетело еще одно сообщение.

– А зачем они вам?

– У них есть информация, но они ее не сдадут.

Нужен тонкий подход, – ответил на это Павел.

Он не знал, что теперь делать: Олжас не имел никакого отношения к преступлению. Возможно, он приезжал к ломбарду по своим делам, его заметила Кристина, узнала и сообщила Ипатьеву. И смерть Биркина тоже не имела никакого смысла. Теперь ищут кого-то, на кого нет ориентировки, ни примет, ни доказательств его причастности к преступлению.

Пришла еще одна эсэмэска.

Позвонила соседке. Соврала ей, что мне нравится Сева. Она сказала, что я в мужиках не разбираюсь, потому что Стэн круче. А потом сказала, что у них неподалеку гараж, который достался Стэну по наследству. Но гараж нельзя продать или в аренду сдавать. Там тихое место и можно заниматься любимыми делами. Там и пустырь, и разрушенные гаражи, которые должны скоро снести. Сейчас адрес уточню.

Ипатьев тут же перезвонил. Кристина ответила, и он сказал:

– Не надо ничего уточнять, я знаю, где это.

Павел точно знал, где это место. В детстве он там вместе с другими пацанами бегал по крышам, там же попробовал первую сигарету и первый глоток вина сделал именно там. Теперь гаражная площадка была огорожена высокой сеткой-рабицей, а въездные ворота закрыли на большой висячий замок.

Глава восьмая

Павел не успел ничего сказать, как его заместитель произнес в трубку:

– Все нормально: мы работаем. Бригада на выезде: там сюжет интересный про чиновника-взяточника, который при задержании метнулся к окну и выбросил из него несколько пачек пятитысячных. Пачки раскрылись, и купюры полетели вниз россыпью. Проходящие мимо люди, перекрестившись, бросились их собирать. Но всех ждет разочарование, потому что банкноты меченые и светятся в ультрафиолете.

– Бери камеру – и к моему дому быстро, то есть не к моему, а к бабушкиному. А потом я покажу, куда надо: сам ты не найдешь. Там будет репортаж интересный, но вести его будешь ты, а не я. Будто бы я совсем ни при чем. Леночку возьми, не век же ей чай и кофе сотрудникам подавать. Пусть что-нибудь скажет. А я уже здесь покажу ей текст. Звездой на курсе станет: ведущая популярной программы.

– А что случилось хоть?

– Очередная серия нашего детектива.

Они подкатили к воротам гаражной стоянки. Медведев монтировкой сорвал замок. Подъехали к гаражу, открыли незапертую дверь, заглянули внутрь, и Анатолий сразу остановил спешащую к ним девушку.

– Оставайся там! Не приближайся!

А потом повернулся к Павлу.

– Это и в самом деле связано с нашей темой?

– Это как раз убийцы. А двое других, которых застрелили раньше... Я даже не знаю, как они связаны с этими молодыми наркоманами. Мне просто позвонили и назвали адрес: я прибежал сюда и увидел то, что ты видишь сейчас. А потом сообщил тебе. Сейчас наберу номер майора Гончарова. А мы пока начнем снимать.

– Может, ты сам в кадр встанешь – зачем Леночку туда?

– Она не будет заходить, и мы тоже. Леночка просто начнет репортаж. Ты проверь камеру, а я Леночке объясню, что и как делать. А зайдем мы внутрь вместе с полицией, хотя вряд ли они нас туда пустят.

И он сказал девушке, чтобы она, не заходя внутрь и не заглядывая туда, произнесла текст, который он ей даст. Анатолий потом сам все снимет, камера все покажет, а потом при монтаже будет сделано как надо.

Как надо, Павел пока и сам не знал. Да и текст, придуманный им наспех, тоже был так себе.

– В эфире программа «Город принял», – начала Прошкина, встав спиной к дверям и не заглядывая внутрь гаража, явно боясь обернуться, зная, что там что-то очень страшное, – сегодня мы получили сигнал и прибыли к заброшенным гаражам. Спешили, но все равно прибыли с опозданием. Если честно, то думали, что это розыгрыш, и потому сюда отпра-

вили меня. Личности убитых людей нами установлены. То есть мы не знаем их фамилий и точных имен. Нам известно только, что это два наркомана, промышлявших ограблением прохожих, квартирными кражами, а теперь они пошли и на двойное убийство. После чего, как мы видим, устранили и их самих. За что? Это и предстоит выяснить следствию. На сегодня это все, что вы хотели знать о смерти, но боялись спросить.

Леночка посмотрела на Медведева, держащего камеру и продолжающего снимать. Перевела взгляд на Ипатьева и прошептала:

– Все.

Тут же подлетели два полицейских автомобиля. Из первого вышел майор Гончаров. Он пожал руку Павлу, подошел, заглянул в гараж и сказал:

– Другие мои люди работают сейчас в этом ломбарде. Как ты узнал про них?

– Добрые люди помогли. Я все в протоколе укажу. Жаль только, что не успел.

– А может, тебе в очередной раз повезло. Может, у них пистолет был.

– Вряд ли. Это шестерки. А вот кто стоит за ними, еще предстоит выяснить.

– Только без самодеятельности, – попросил майор и показал на Прошкину: – А ребенка зачем сюда пригласил?

– Только для того, чтобы она подумала, стоит ли в такой

программе работать: куда лучше и спокойнее вести репортажи с модных показов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.